

ГУСАРСКАЯ САГА

КРОВАВЫЙ РАСКОЛ

СЕРГЕЙ ГОРБАТЫХ

Сергей Горбатов
Кровавый раскол

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Горбатов С.

Кровавый раскол / С. Горбатов — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-89-000850-8

Бывшему поручику Ингерманландского гусарского полка, герою Великой войны, Владимиру Головинскому удаётся добраться до Ростова-на-Дону, где генерал Корнилов формирует Добровольческую армию для борьбы с большевиками. Головинский принимает участие в Первом Кубанском (Ледяном) походе в должности командира отделения Корниловского ударного полка. Недалеко от Екатеринодара, он заболевает воспалением лёгких и находится при смерти. Владимира спасает казачья семья Прибытько, живущая на затерянном в кубанских степях хуторе. После выздоровления, Головинский возвращается в строй и, командуя эскадроном, принимает участие в освобождении Екатеринодара от красных, в августе 1918 года.

ISBN 978-0-89-000850-8

© Горбатов С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Горбатов

Кровавый раскол

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всё происходящее в России, казалось Головинскому кошмарным бредом, скверным сном. Вот сейчас он проснётся и окажется в старом и понятном ему мире.

Владимир просыпался, но ничего не менялось: государя не было. Великой страной правило какое-то Временное правительство, а в Петрограде ещё заправлял и Совет рабочих и солдатских депутатов.

Головинский, как всегда, взял в руки свежий номер «Русского слова».

Военный и морской министр Александр Фёдорович Керенский, на плечи которого возложена задача – восстановление пошатнувшейся боевой силы армии и флота, подписал «Декларацию прав солдата». Она имеет своей целью поднять дисциплину и перестроить жизнь армии на демократических началах...

– Бред! Полный бред! Враги! – отчаянно и зло громко сказал Владимир и швырнул газету в мусорную корзину.

– Володинька, что случилось? – послышался из спальни озабоченный голос Анастасии Михайловны.

– Ничего, тётушка! Всё хорошо! – стараясь успокоиться, ответил он.

– В это страшное время, в которое нам выпало жить, только одно меня и радует: улучшившееся здоровье тётушки. Ведь ещё месяц назад она почти не вставала, а сейчас уже вернулась почти к своему нормальному состоянию.

На днях Владимир ездил к Виктории. На грязном Невском проспекте, заплёванным шелухой от семечек, он попытался взять лихача. Но они ломили такую цену, что он из-за принципа отказывался садиться и быстро шагал по тротуару.

Повсюду солдатня и гражданские с энтузиазмом сбивали со стен царских двухглавых орлов и бросали их в костры, коптящие прямо на Невском. В них также горели портреты членов императорской семьи, которые с радостными криками тащили сюда, уже в доску пьяные, революционные матросы.

– Убивец! Убивец! Убивец! – громко, истерично вопел бородатый мужичок в драном овчинном тулупе и тыкал десертным ножом в поясной портрет государя.

«Это настоящий шабаш! Откуда набралось здесь такое количество вурдалаков!» – охватило возмущение Владимира.

– Господин поручик, где ваш красный бант? – вдруг раздалось из-за спины.

Головинский обернулся. Перед ним стоял старый рябой прапорщик и двое солдат с винтовками. Все с огромными красными бантами на грязных шинелях.

– Прапорщик, отдайте честь и представьтесь согласно Устава! – возмутился Владимир.

– Господин поручик, отдание воинской чести было отменено ещё в марте месяце приказом номер один Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Или вы не знаете? – ехидно спросил прапорщик.

Солдаты неприятно оскалились.

– Я не знаю такого ни правительственного, ни военного органа власти! Поэтому не носил, не ношу и не буду носить этот красный бант! Я не паяц и не обезьяна из цирка Чинзинелли. – Почти по слогам произнёс Головинский, повернулся и пошёл прочь.

– Господин поручик, стойте! – закричал рябой прапорщик ему во след. – Стоять! Стоять, я сказал!

– «Это возмутительное хамство!» – негодовал Владимир. Внутри у него всё кипело.

Городовые были упразднены. В газетах напечатали о создании рабочей милиции. Но что это такое, никто не знал. На улицах Петрограда убивали, грабили и днём, и ночью. Грабили дворцы и частные квартиры...

– Надо обороняться! – твердым голосом заявила как-то утром Анастасия Михайловна и принялась кому-то телефонировать.

На следующий день в доме появились дюжие мужики и, непосредственно под руководством тётушки, стали устанавливать на окнах мощные решётки.

– Очень похоже на тюрьму. – Грустно заметил Владимир.

– А как ты, Володинька, хотел пережить эту смуту? – отрезала Анастасия Михайловна.

Красивые дубовые двери в парадном обилии толстыми железными листами. Поменяли на них петли, установили засовы.

Работы длились больше недели... Головинский не знал куда же себя деть. Живопись была давно заброшена. Будкин тщательно вымыл все кисти, сложил их в коробки. Завесил кусками белого полотна все наброски и эскизы... Владимир же в свою студию никак не мог заставить себя войти. Ведь рушилась страна, рушились его мечты, вокруг царил хаос.

«И что дальше, Владимир? Чем заниматься? – ежедневно спрашивал он сам себя бездумно сидя в кресле, – на военной карьере поставлен крест! И не из-за ранения, а из того, что я дал присягу государю. Его нет он отрёкся от престола. Присягать Временному правительству я никогда не буду! Ведь это оно издаёт преступные документы вроде этой «Декларации прав солдата». В армии какие-то ротные, эскадронные, полковые комитеты и другие, состоящие из каких-то проходимцев отменили действие уставов. Офицеры, в лучшем случае изгоняются из армии, а довольно часто погибают от рук своих же солдат! Это катастрофа! Где моё место сейчас? Как я могу помочь родине выйти из этого смертельного тупика? Повсюду развал? Где выход?»

Умудрённая жизнью Анастасия Михайловна, была уверена, что это непонятное и страшное время не будет длиться долго:

– Володинька, надо пережить эту смуту с наименьшими потерями для своего здоровья и кошелька! – бодро заявляла он своему племяннику.

Но по её лицу Владимир видел, как она сильно переживает.

После решёток в один, солнечный, нетипичный для весеннего Питера, день Анастасия Михайловна под различными предложениями удалила из дома всю челядь. Часов в десять утра приехали трое невзрачных, похожих друг на друга невысоких мужичка в драповых чёрных пальто, шляпах-котелках и с увесистыми чемоданчиками в руках.

Один из них, очевидно начальник, с усиками щёткой, скверно выбритый и маленькими крысиными глазками о чём-то долго шептался с Анастасией Михайловной. Потом они ходили по комнатам...

Владимир почувствовал себя лишним и удалился в библиотеку. Там нашёл толстый фолиант на английском языке о Патагонии, мореплавателях и увлёкся чтением.

Из гостинной залы стал слышаться странный шум: казалось, что сверлили стену.

«Тётушка, несоимненно, пригласила этих странных типов, чтобы он что-то переделали или отремонтировали. Может быть встроенный в стену шкаф?» – машинально подумал Владимир.

– Володинька! Володинька! – заглянула в библиотеку Анастасия Михайловна, – на улице уже темнеет! Ты не спишь? Ужинать пора!

– И правда семь часов! Как время пролетело! – удивился Головинский. – Да тётушка, поужинать бы мне не помешало, – согласился он и встал с удобного кресла.

– А ваши, странноватые на вид, гости уже ушли?

– Ушли! – очень тихо почему-то произнесла Анастасия Михайловна, – пойдём я тебе покажу одну очень интересную вещь.

– Что ты нового здесь видишь, Володинька? Загадочно поинтересовалась она, когда они стояли в центре гостинной.

– Тётушка, ровным счётом, ничего. Ни-че-го! – повторил он по-слогам.

– Замечательно! – обрадовалась Анастасия Михайловна, – если ты ничего не заметил, значит посторонние вообще ничего не увидят.

Анастасия Михайловна вынула из кармана батистовый платочек, в который был завёрнут маленький белый ключик.

– Смотри, Володинька! – шопотом произнесла она и подошла к углу, подобрав полы длинного платья, резво наклонилась к самому полу и засунула ключик в щель между двумя плинтусами.

Небольшой кусочек стены вместе с плинтусом вдруг открылся!

– Ничего себе! – выдохнул Головинский, – это что же такое? Тайник?

– Потаённый сейф! – объяснила Анастасия Михайловна, довольная произведённым эффектом.

– Так в вашем кабинете стоит огромный сейф! Зачем вам ещё один? Да ещё с такой маскировкой? – не понял Владимир.

– Володинька, ты видишь, что происходит? Грабят в открытую! И днём, и ночью! Про мой большой сейф знают все, а вот про этот только ты и я. Я думаю держать в нём только самые дорогие вещи и какое-то количество денег.

– А что мудро! Очень мудро! – согласился Владимир.

– Вот прямо сейчас я туда положу некоторые, нет все, мои драгоценности, – Анастасия Михайловна вышла из зала.

Было слышно, как загремел в её кабинете засов большого сейфа...

– Вот, Володинька, смотри, что у меня есть! – Анастасия Михайловна поставила на стол плоскую деревянную коробку. – Вот уникальное кольцо изготовленное для меня по заказу Дерюгина к нашей свадьбе. – Тётушка открыла крышку и извлекла из коробки невероятно красивую вещь из бриллиантов, изумрудов.

– Я такого чуда ещё не видел! – с восторгом произнёс Владимир, – можно я его возьму в руки?

– Конечно! А вот, Володинька, чудный перстень, мне его муж как-то на День Ангела подарил, а вот брошь, а вот заколка...

Всё в зале вдруг заблестело, засияло всеми цветами радуги. Головинский, который был равнодушен к ювелирным украшениям, был поражён изяществом вещей, лежавшим перед ним.

– Вот, Володинька, я сейчас эту штатулочку кладу в потаённый сейф и закрываю его. А вот тебе, родной мой, ключик. Этой твой! Другой у меня. Повесь его к крестикку своему нательному, чтобы не он потерялся. Как открывается этот потаённый сейф ты видел. Показать ещё?

– Нет, нет, тётушка, спасибо! Я уже понял!

– Я все деньги в иностранных ассигнациях тоже положу сюда. Да и золотые монеты. Их надо спрятать здесь обязательно.

– Тётушка, я восхищаюсь вашей предусмотрительности. – Владимир поцеловал Анастасию Михайловну в щёку.

Всё вокруг походило на кошмарный сон или бред душевнобольного. Головинский уже с какой-то боязнью просматривал утренние газеты. Просматривал заголовки, после чего швырял их на стол:

– Боже мой, Россия больна! Больна! – не устал повторять он, хватаясь за голову.

В доме у Анастасии Михайловны тоже происходили невероятные вещи. Неожиданно исчез повар.

– Беденький, вышел может быть вчера на улицу его и убили! – испуганно предположила за завтраком тётушка.

– Никто его не убивал! – возразил Владимир, – Даша, утром сегодня мне рассказала, что вчера повар уложил все свои вещи в чемоданы, вызвал извозчика и, не прощаясь не с кем, отбыл в неизвестном направлении. Бежал!

– Володинька, как же это может быть? – не могла поверить Анастасия Михайловна, – столько лет жил и работал в моём доме и ушёл, не попрощавшись, не предупредив! Не попрощавшись выходного пособия! Он же, в конце концов, имел полное право на выходное пособие! Исчез, как полуночный вор! Смутное время, Господи!

Анастасия Михайловна пыталась нанять нового повара: звонила знакомым, в рестораны, но, увы, всё было напрасно. Повара с опытом куда-то все исчезли, а другие не хотели работать...

– И не пытайтесь, уважаемая! Не пытайтесь! У меня тоже самая проблема: мой шеф, сукин сын, потребовал три тысячи рублей ассигнациями или триста золотом, угрожая, что уйдёт от меня. Я ему кукиш сунул в самый нос: «Вот тебе три тысячи! Обиделся, сволочь! Сбежал и унёс с собой всю старинную посуду! Варнак! Искал повара другого целую неделю. Не никого! Сейчас горничная готовит,» – разъярённым голосом посоветовал своей компаньонше Василий Васильевич.

– Так надо в полицию на повара за воровство донести! – возмутилась Анастасия Михайловна.

– Так нет уже давно полиции, уважаемая! Существует какая-то народная милиция, которая хуже воров! – Василий Васильевич грохнул кулаком по столу в припадке гнева.

– Слава Богу, что у меня прислуга не воровитая! – качая головой, сказала за вечерним чаем тётушка своему племяннику.

Увы, Анастасия Михайловна ошибалась. Через несколько дней вместе со всем столовым серебром исчезла Даша.

Тётушка находилась в состоянии шока.

– Володинька, как это? Как это? Десять лет в моём доме! Хорошее жалованье я ей, змее подлой, платила. Она на него всех своих многочисленных родственников в деревне содержала. Обворовала меня! Как это так?! Неужели это возможно? – Анастасия Михайловна, схватилась за сердце и медленно опустилась в кресло.

– Тётушка, не волнуйтесь! Я сейчас! – Владимир кинулся к столу, где лежали сердечных пилюльки, затем к графину с водой. Налил хрустальный стакан и быстро поднёс Анастасия Михайловне.

Она приняла лекарство и откинулась на спинку кресла.

– Может валерьяновых капель? – спросил Владимир. – Так я мигом!

– Тётушка остновила его взмахом руки.

Владимир сел напротив неё... Анастасия Михайловна закрыла глаза. Её лицо, белое, как молоко, потихоньку меняло цвет. На щеках стал появляться лёгкий румянец.

– Слава Богу! – перекрестился Владимир.

Владимир тоже сам не мог понять, как могла Дашенька, милая услужливая девушка, с пятнадцати лет живущая в доме у его тётушки, так поступить.

«Россия больна! Общество больно! Что делать?» – в очередной раз раз думал он.

Готовить взялась тридцатилетняя Наташа, горничная из Нижегородской губернии, которая работала в доме у Анастасии Михайловны лет восемь. Увы, кроме каши, щей и блинов она ничего не могла.

– Паштета хочется хочется из гусиной печени с... мечтательно вздохнула как-то за обедом тётушка.

– Давайте в ресторане закажем! Пусть привезут! – предложил Владимир.

– В ресторане можно. Но, увы, всё равно не то, когда тебе подают только что приготовленную на твоей кухне. – Объяснила Анастасия Михайловна.

– Тогда, тётушка, я начну учиться готовить! Стану шеф-поваром только для того, чтобы у вас всегда было хорошее настроение! – вполне серьёзно предложил Владимир. – Да и делать мне что-то надо. Ведь не привык я в безделии жить. Что же был я гусарским офицером, остался не у дел, теперь стану шеф-поваром! Может даже приличным!

Анастасия Михайловна громко рассмеялась. Она приняла это как шутку своего любимого племянника. Но Владимир не шутил. Он тотчас отправился в библиотеку.

– Бог ты мой, а сколько же здесь книг о французской кухне! Раньше я на них просто не обращал внимания, а сейчас они могут мне пригодиться! А вот и русская кухня: Молоховец Е. «Новейшая поваренная книга», Неженцева З. «Настольная книга для хозяек», «Наставления к приготовлению более 400 обедов», Половохина В. «Хороший домашний стол»...

Минут через двадцать на столе лежали две высоченные стопки книг на французском и русском языках.

«Так вот он рецепт фуа-гра! Да он не один, здесь даются разные варианты! Попробую с грибами...» – решил Головинский.

– Наташа! Наташа! – стремительно вошёл он на кухню.

– Чевой-то случилось, барин! – испуганно спросила горничная, мывшая фарфоровые чашки и блюда в тазу.

– Наталья, не называй ты меня, пожалуйста барином! – вновь попросил её Владимир.

– Как скажите, Владимир Юрич, – спокойно согласилась она. – Вам, ба..., Владимир Юрич, чего чаю? Покрепче? Как вы любите?

– Давай, Наташа, чайку! Как я люблю! А скажи-ка мне, что у нас будет сегодня на обед?

– Щи, – Владимир Юрьевич! Наваристые! – ответила женщина и начала протирать чашки полотенцем.

– А паштет? Наташа? Сможешь? – поинтересовался Головинский.

– Ха-ха-ха-ха! – почему-то рассмеялась в ответ Наташа.

«Всё ясно! Надо начинать готовить самому! Дерзай, Владимир!» – подумал он.

16 июня Десятая и Седьмая русские армии Юго-Западного фронта начали наступление на Львов.

«Сегодня великое торжество революции: Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление» – Головинский прочитал на первых страницах правительственных газет заявление Керенского.

– А может это быть тот самый последний удар и враг будет разбит? – подумал Владимир, – хотя я конечно сомневаюсь. Как может воевать армия, где нет дисциплины, где солдаты выполняют приказы ни офицеров, а каких-то ротных, полковых и дивизионных комитетов? Где офицеры не имеют никаких прав?

23 июня началось наступление Восьмой армии под командованием генерала Корнилова. Начло тоже было успешным: были заняты города Стаснислав, Галич, Калуш. К 30 июня её части вышли на рубеж реки Ломница... И здесь солдаты отказались продолжать воевать.

К 1 июля наступление всех армий Юго-Западного фронта захлебнулось.

Наступление Северного и Западного фронтов было саботировано солдатскими комитетами. Из 14 дивизий утром 8 июля в атаку пошли всего лишь 7. К исходу того же дня они вернулись на свои позиции.

Это был полный крах и позор.

В один из таких дней, наполненных отчаянием и глубокой душевной тоски в дверь парадного неожиданно позвонили.

– Наташа, не открывай! Я сам спущусь. – крикнул Владимир.

– Кто такие? По какому делу? – громко спросил Головинский, сжимая в руке наган.

– Владимир Юрьевич, здравствуйте! Это я? – раздался за дверью очень знакомый голос.

– Кто это? Представьтесь! – потребовал Владимир.

– Фёдор Карлович Кирхнер. Я служил в этом доме, как вы наверное ещё помните.

«Ух ты! Объявился пропавший повар!» – подумал Головинский и отпер массивную дверь.

На пороге стоял «гений кулинарного искусства» Петрограда. На нём топорщилась новенький мундир защитного цвета. Фёдор Карлович выглядел так смешно и нелепо, что Владимир едва на расхотался.

– Вы по какому вопросу? С Анастасией Михайловной хотите поговорить? – поинтересовался Головинский.

– Нет, нет! С вами Владимир Юрьевич, – ответил повар. – Вот хочу вам представить моих товарищей по партии, служащих военного министерства Временного правительства. – Кирхнер ткнул пальцем в двоих невзрачных невысоких мужчин, стоящих позади него.

– Представить для чего? – уточняясь спросил Головинский, с любопытством рассматривая странных посетителей.

Все они были также одеты в новые военные мундиры без погон.

– Партия кадетов и военное министерство остро нуждается в профессионалах для разработки концепции... – затараторил лопухий со шрамом на левой щеке.

– Когда армией занимаются члены разных партий и повара – она обречена на вырождение. Честь имею! – Резко оборвал его Головинский и закрыл двери.

– Володинька, что-то случилось? – встревоженно спросила тётушка, увидев его с наганом в руке.

– Нет, нет! Всё хорошо. Какие-то чиновники из военного министерства просто ошиблись адресом. – Успокоил он Анастасию Михайловну.

– Слава Богу! А то у меня сердце от волнения сразу закололо. – Облегчённо вздохнула она. – Нет, а пилюльку всё же надо выпить. Так не отпустит!

Головинский стоял на кухне полный решимости приготовить паштет.

Рядом – круглолицая Наташа, с любопытством наблюдавшая за ним.

– И так! Мне необходима гусиная печень, белые грибы, свиной фарш...

– Вы чавой-то, барин? Откуда её взять гусиную печень? Да её щас днём с огнём в Питере не сыщешь? Свинину можно... Да и то, если везенье будет, на базаре купить. Грибы белые – это можно... А вот гуся! Я даже не знаю. Щас вообще ничего нет! Песку не купишь! Вы же знаете, что запретили сладости продавать? Песку нет.

– Я что-то читал о сахаре, а вот... – Головинский почти бегом вышел из кухни.

– Народ наш – негодяй! Тупая и злобная скотина! – басом гудел голос Василия Васильевича в гостинной зале.

– Вы знаете, я так не думаю! Наш народ – самый лучший в христианском мире! – возразила тётушка.

– Прошу прощения, господа! Разрешите? – открыл дверь Головинский.

– Заходи, Володинька! Заходи! – обрадованно ответила тётушка.

Василий Васильевич молча и сильно сжал своей рукой ладонь Владимира.

– Вы, молодой человек, почему так взволнованы? – поинтересовался он у Головинского.

– Вы знаете, Василий Васильевич, я только узнал, что в городе практически нельзя купить хороших продуктов к столу.

– Ни хороших и ни плохих. В лавках пустые полки... А вы, что разве не знали? – удивился Василий Васильевич.

– Я стараюсь держать Володиньку как можно дальше от домашних бытовых проблем. – Вмешалась Анастасия Михайловна.

– Может быть оно и правильно? Зачем боевом у офицеру знать, где можно купить хорошего мяса к обеду, паюсной икорки с водочке или хорошего гусика? – согласился Василий Васильевич.

– Вот, вот о гусике я и хотел поговорить. Где же его можно купить? – спросил Владимир.

– В деревне можно купить всё! Крестьяне с радостью продадут вам и гусей, и кур, и уток, и свинью... А вот привезти им в Питер этот товар не даёт новая власть. Почему? Потому что они предатели, никчемности и взяточники. Я сегодня как раз хотел и предложить вам, Анастасия Михайловна, снарядить экспедицию в деревни для закупки продовольствия для наших нужд. Вы как на это смотрите?

– Я тоже хотела, Василий Васильевич, предложить вам что-то подобное! Ведь у меня в доме кроме муки, круп и лаврового листа ничего уже не осталось. Каждый день гоняю прислугу в город на базар... Иногда что-то и приносят, но это же не дело.

– «Дело оказывается не в том, что Наташа не умеет готовить разнообразные блюда, а в отсутствии продуктов!» – неожиданно дошло до Владимира.

Ему стало очень стыдно, что он этого не знал. Ведь с тётушкой они никогда не говорили на эту тему.

– А один мой знакомый, кстати очень даже известный человек в Петрограде, профессор нанял двух служанок только для того, чтобы они стояли в «хвостах» за сахаром, молоком, хлебом, мукой! – грустно сообщил Василий Васильевич.

Через два дня Анастасия Михайловна и Василий Васильевич снарядили «экспедицию» в деревню. Во главе её, по рекомендации Владимира, был поставлен Семён Будкин. В помощь ему дали ещё двух крепких мужичков из числа работников Василия Васильевича.

– Интересно, что получится из этой необычной и для меня очень странной авантюры? – вслух спрашивала сама себя Анастасия Михайловна каждое утро за чаем.

– Зная Будкина, уверен, что получится! – ни секунды не сомневаясь, уверял свою тётушку Владимир.

Экспедиция вернулась дней через десять. Телега была набита живыми гусями, утками, курами... Среди мешков с гречневой крупой зерном похрюкивал розовый упитанный поросёнок. Первым делом Семён выгрузил бочонок сливочного масла, затем бочку мёда.

– Намаялись, Владимир Юрич! Намаялись... Но получилось! Вот смотрите! – Будкин махнул рукой на телегу.

– А что с этим теперь делать? Здесь? – ужасаясь, спросил Головинский.

– Как чё делать? Я сараюшку одну от дров освобожу. Туда курей, гусей, уток посадим. Кормить есть чем. Три мешка с зерном я привёз. Овса пять мешков для лошади... А кабанчика надо завтра же заколоть.

Теперь по – утрам Владимира будили крики петухов...

Через день Головинский приготовил настоящий фуа-гра. Паштет получился действительно вкусным.

– Володинька, я должна заметить, дорогой, что всё за что ты берёшься делать, у тебя получается очень хорошо! – с восторгом похвалила его Анастасия Михайловна.

– Спасибо! – скромно ответил очень довольный её племянник.

Теперь Владимир старался каждый день приготовить что-нибудь новенькое и изысканное. Особенного удовольствия это ему не доставляло, но очень сильно отвлекало от окружающей действительности. Ведь за кисти он не брался с марта месяца: не было ни желания, ни творческой искры. А самое главное, что тётушке его кулинария доставляла искреннее удовольствие.

День выдался жарким. Головинский вышел из парадного подъезда. Под ногами неприятно зашуршала шелуха от семечек.

– Мустафа, почему у нас грязь такая? – строго поинтересовался он у дворника, показывая рукой на заваленный мусором тротуар.

– Мустафа, хочет мести! Хочет работать. Профсоюз ему не разрашает. Забастовка говорит. – Безразличным голосом объяснил дворник, сидевший на ящике у двери.

– Бред это всё, Мустафа! Полный бред! – вышел из себя Владимир, – при чём здесь профсоюз? Тебе кто деньги платит, а?

– Барин, начну мести, так придут профсоюзы. Он здоровые такие, как раньше городовые были и морду Мустафе набьют. Рёбра поломают... Нет нельзя...

Владимир глубоко вздохнул.

На Невском, греясь на солнышке, сидели и лежали солдаты. Многие в исподнем белье. Курили огромные самокрутки из вонючего крепкого табак, грызли семечки и громко выплёвывали шелуху. На него, офицера, смотрели с презрением или безразличием. Никто не вставал, не отдавал честь...

«Боже мой, это же полное разложение армии! Это же не защитники России, а маргинальные элементы! Права тётушка, что выпало нам жить в Великую Смуту! Чем только она закончится?» – его охватило сильное раздражение.

Головинский остановил лихача.

– На Васильевский остров! – выдохнул он ямщику.

– Ваше благородие, а цену почему не спрашиваете? Я может с вас дорого возьму? – поинтересовался круглолицый гладко выбритый возница.

– Я тебе сказал: Васильевский остров! Гони! Не медли! – громко приказал Головинский. Ямщик не ответил. Только щёлкнул кнутом, и молодой жеребец рванул вперёд.

В доме у Виктории царил странная обстановка: мебель – в парусиновых чехлах, паркет застлан кусками мешковины...

– Я уезжаю к маме, любимый! – коротко объяснила Виктория. – Булочную два дня назад разграбили полностью. Вынесли всё. Даже пустые рваные мешки. Не могу больше! Не могу! – она разрыдалась.

– Прости, Виктория! Я не вовремя. Могу ли я тебе в чём-то помочь? – Головинский обнял жкншину.

– Не надо... Ты мне только душу и сердце разрываешь. Иди... Стеша, проводи...

– Виктория, а когда ты думаешь вернуться?

– Я не знаю. Ничего не хочу знать, никого не хочу видеть. Уходи!

– Хорошенький приёмчик мне оказали! Как ушатом ледяной воды окатили! За что? – недоумевал Владимир, спускаясь вниз по лестнице.

– Вы на неё внимания не обращайтесь, Владимир Юрич! У барыньки в голове помутнение случилось! Бывает так! – объяснила Стеша – высокая молодая, лет двадцати трёх девушка, с хорошей фигурой и длинной косой до пояса.

– Да как-то нехорошо получилось! Чувствую себя почему-то виноватым, – не зная зачем, признался Головинский горничной.

– Так какая же ваша вина, Владимир Юрич? Помутнение у Виктории случилось. – Вновь повторила Стеша и очень внимательно посмотрела своими серыми большими глазами на Головинского.

Этот взгляд его почему-то его смутил. Владимир почувствовал, как краснеет.

– А вы, Владимир Юрич, заходите! В гости ко мне. Я ведь в этом доме на хозяйстве остаюсь. Страшно-то одной! – Стеша засмеялась.

У Головинского от этого смеха, неожиданно, что-то дрогнуло в груди и он почувствовал, как краснеет.

- Я вам серьёзно говорю, Владимир Юрич! Я очень буду рада, если вы наведаетесь.
- Спасибо, Стеша! До свидания! – Головинский козырнул и вышел на улицу.

Головинский широко шагал по Невскому. Под ногами противно шуршала семечная шелуха.

«Какая мерзость! Столицу империи превратили в настоящую помойку. Не метётся, не моется. Временное правительство! Петроградский совет рабочих и солдатских! Крысы, вылезшие из щелей...» – думал он раздражённо.

Кто-то, обгоняя, больно зацепил его плечом и молча прошёл мимо.

– Ну это уже настоящее скотство! – рассверепел Владимир и нагнал длинного худого верзилу в офицерской шинели без погон, который ссутулившись, почти бегом, двигался по тротуару.

– Стоять! Я сказал стоять! – закричал он ему.

Верзила обернулся. Небритое худое лицо, длинный нос, густые брови...

– Сухарецкий?! Сухарь!!! – удивлённо воскликнул Головинский.

Верзила внимательно смотрел на него.

– Головинский? Ты? – сильно удивился он.

– Я! А ты думал кто?

Это был Андрей Сухарецкий его товарищ по Первому кадетскому корпусу.

Они обнялись.

– Андрей, а ты почему в таком странном виде? В офицерской шинели, без погон. С какой-то котомкой за плечами? Рысью мчишься по Невскому – поинтересовался Владимир.

– Это, Головинский, очень длинная история. Нет желания её рассказывать сейчас, здесь, на улице. – Резко ответил Сухарь.

– Так зачем на улице? Пойдём в ресторан! Пообедаем! Поговорим! – предложил Владимир.

– В ресторан? Пообедать? – у Сухарецкого задвигался огромный кадык. Было видно, что он проглотил слюну. – Чего-нибудь съесть мне очень хочется, но увы финансовыми средствами не располагаю.

– Так твои финансовые средства и не нужны! Я приглашаю, Андрей! – принялся уговаривать Головинский.

– Ну раз так, то я принимаю твоё приглашение! – с удовлетворением согласился Сухарь.

– Выбирай ресторан, Андрей.

– Мне «Палкин» очень раньше нравился. Кухня там сытная...

– Так «Палкина» новые власти закрыли недавно! Тюрьму там свою революционную сделали! – Объяснил Головинский.

– В ресторане тюрьму? – ошалел от услышанного Сухарецкий.

– А что тебе удивляет сейчас в этом сумасшедшем мире?

– Ты прав, Владимир! Такое вокруг происходит, что и удивляться уже устал. Тогда поехали в Медведь.

– Отлично! Сейчас остановлю лихача и помчимся! – обрадовался Владимир.

Вскоре они входили в ресторан Медведь при гостинице Демут, на Большой Конюшенной улице. В вестибюле стояло чучело огромного медведя с подносом в лапах.

– Ничего я вижу здесь не изменилось! – с удивлением произнёс Сухарецкий, отдавав свои шинель и котомку лакею в гардеробе.

Он остался в новом офицерском обмундировании защитного цвета с погонами капитана.

– Вот, теперь я вижу, что ты – офицер! А то устроил какой-то маскарад! – заметил Владимир.

– А я вижу, что ты давненько не был на фронте и не понимаешь для чего этот маскарад! – резко парировал тот.

– Я уже больше года сижу в тылу по причине ранения. – Признался Владимир, – хочу на фронт, но...

– Не надо туда хотеть! Я оттуда уехал! Сбежал! Сил моих больше нет!

Владимир попросил подоспевшего лакея из залы, чтобы тот усадил их за стол в дальнем тихом углу.

Сухарецкий заказал себе графинчик водки, стерлядь с расстегаем, стерляжью уху, холодную телятину, ветчину.

Головинский шампанское и икру.

Сухарь ел жадно, молча, постанывая и хрипя.

– Владимир, ты извини, два дня ничего не ел. Голоден и зол.

– Андрей, ты ешь! Я знаю, что это такое: быть голодным. Тоже когда-то воевал, – успокоил его Владимир.

Нестриженный, с засаленными волосами, небритый Сухарецкий был похож на портового забулдыгу, надевшего на себя мундир капитана российской армии.

– Досталось, бедняге! Ох и досталось! – думал Головинский, стараясь не смотреть на Андрея.

Сухарецкий был пьян в дымину.

– Лакей, лихача к дверям ресторана да возьми ещё кого-нибудь и помогите мне вывести отсюда моего друга.

Головинский вышел из ресторана. Слух сразу же резанул визг гармошки и сиплый мужской голос. Прямо на ступеньках сидел пьяный солдат без сапог, но в шинели, и орал частушки.

Головинский увидел на солдатской фуражке гармониста офицерскую кокарду. Владимира будто – бы обдали кипятком. Тело начало гореть.

«Сволочь! Быдло! Кокарду офицерскую... Плевком это всему российскому офицерству! – сейчас я ему, мерзавцу, сделаю,» – Владимир подошёл к солдату и хотел ударить сапогом того прямо в его пьяную наглую свинячью рожу.

– Господин поручик! – услышал он за спиной.

Владимир обернулся. Два лакея уже усадили Сухарецкого в пролётку.

– Не хочу! Не хочу! В ресторан меня, отвести! Я при-ка-казваю! – начал громко кричать Андрей и попытался двинуть кулаком по затылку ямщика.

Головинский кинулся к Сухарецкому. Прыгнул в пролётку, прижал Андрея своим телом.

– Гони на Невский! Адрес потом скажу. Сиди, Андрей! Спокойно!

Сухарецкий спал до полудня. Потом выпил стакан водки и часа три «откисал» в ванной.

– Бедный юноша! – вздыхала Анастасия Михайловна, – у него очевидно нервный срыв. Надо ему предложить у нас на несколько дней остаться. Пусть отдохнёт, успокоится... Поест, как человек, нормально.

– Да, тётушка, вы правы! Андрею досталось... Спасибо!

– За что ты меня благодаришь, Володинька? Надо помочь! Ох что делается? Великая Смута! – перекрестилась Анастасия Михайловна.

Сухарецкий жил у них целую неделю, а потом, как-то очень неожиданно, засобирался уезжать.

– К маменьке надо ехать. Думать, что дальше делать. Как дальше жить. – Объявил он за завтраком.

Головинский дал Андрею тысячу рублей.

– Спасибо, Голова! Будет возможность – отдам! – не стал отказываться тот.

К Анастасии Михайловне приехали её компаньоны. Виталий Викторович, которого Владимир не видел несколько месяцев, выглядел просто ужасно. Он похудел и постарел, сгорбился.

Они закрылись в кабинете и беседовали там часа два. Затем Виталий Викторович очень сухо попрощался с Анастасией Михайловной и Василием Васильевичем и уехал.

– Пойдёмте пообедаем. – Станным голосом произнесла тётушка.

– С удовольствием принимаю ваше предложение! – согласился Василий Васильевич. Наташа накрыла на стол.

– Простите, но изобилием блюд, удивить вас сегодня не могу. – Смущённо оправдалась тётушка.

Василий Васильевич с видимым удовольствием выпил рюмку рябиной настойки. Закусил солёным хрустящим груздём, а затем поятнулся с блюда...

– У-у-у! – покачал он от удовольствия головой, – вам всё таки удалось найти хорошего повара. Изумительно! Давненько я такого не ел!

– Удалось! Но это мой маленький секрет! – засмеялась Анастасия Михайловна.

– Неужели тётушка меня выдаст? – покраснел от охватившего его смущения Владимир.

– Этот секрет я вам, уважаемый Василий Васильевич, не выдам! А мнение моё о предложении нам Виталия Викторовича скажу одно: я в это смутное время моими капиталами рисковать не буду! Выкупать его часть его акций я не буду! Заманчивое предложение Виталия Викторовича мне кажется ловушкой. Так со своими компаньонами не поступают! – твёрдым голосом отчётливо заявила Анастасия Михайловна.

– Согласен, согласен с вами! Так дела не делаются! Виталий Викторович по ценам до февраля этого года хочет сбуть свои акции. Говорит, что это очень дёшево! Но это обман! Ловушка, – вы правильно определили, Анастасия Михайловна. Ведь у нас уже нет элеватора в Камышине. Пропали три баржи на Волге в прошлом месяце... Акции не стоят таких денег. Нехорошо! Ох, как нехорошо!

Василий Васильевич вновь потянулся к бутылке с рябиновой настойкой.

– Прошу прощения за то, что я вмешиваюсь в ваши дела, но почему Виталий Витальевич продаёт свои акции? – поинтересовался Владимир.

– Уезжает наш компаньон в Северо – Американские Соединённые Штаты и сбывает всё, что можно продать, – кратко пояснила Анастасия Михайловна.

– Да и нам советует бежать из России. Но я остаюсь! Я верю в мою родину! Я верю в русских людей! – с пафосом заявил Василий Васильевич, опрокидывая очередную стопку.

– Я тоже верю! Надо только смуту переждать! Вытерпеть! – вздохнула тётушка. – сколько только ждать? Ведь на улицу боязно выходить! Повсюду такие каторжные прямо лица! Откуда их столько?

– Да, Анастасия Михайловна, рожи действительно варнацкие! Мне тоже страшно! Не из за их морд озверелых, и пьяных а из-за винтовок, которыми они все вооружены. Стреляют куда попало! – согласился Василий Васильевич.

Четвёртого июля с утра по Невскому шли толпы вооружённых солдат и матросов в сторону Таврического дворца. Кое-где виднелись красные тряпки с надписями «Долой временное правительство». Иногда слышались одиночные выстрелы.

– Это кто? Чего они хотят? – с испугом спросила Анастасия Михайловна, смотря в окно.

– Тётушка, отойдите от окна. Прошу вас! Немедленно! – Владимир начал закрывать тяжёлые портьеры.

Вдруг с угла Садовой и Невского послышалась пулемётная дробь, взрыв гранаты, хаос ружейных выстрелов.

Лицо у Анастасии Михайловна стало бледным, она подошла к иконам и принялась молиться.

– Что творится? Когда же кончится этот бедлам? – негодовал Головинский, не понимая того, что происходило на улице.

– Барыня, вас к телефону просят! – в залу ворвалась Наташа.

– Володинька! Володинька! Дома грабят... Врываюся вооружённые люди, хозяев закрывают в чуланах, избивают, и из квартир всё начисто выносят. Мне только что Людмила Пав-

ловна Очакова по телефону сообщила. – отрешённо сказала Анастасия Михайловна. – Надо валерьяновых капель принять... Опять сердечко моё дёрнулось...

– Никому не выходить из дома! Тётушка, идите в спальную комнату! – моментально отреагировал Головинский. – Семён, со мной! – крикнул он.

Ворота железные во двор закрыли на пять огромных тяжелых навесных замков, предварительно замотав их тяжелой цепью.

Напротив ворот во дворе соорудили «бруствер» из берёзовых поленьев. Получилось надёжно. Очень помог Головинскому и Будкину дворник Мустафа.

Двери в парадное закрыли на все запоры. Забаррикадировали тяжёлыми горшками с фикусами и шкафами.

– Семён, нас, солдат, в этом доме двое: ты и я. Кучер Терентий не считается и. Староват и болеет, а об истопники не будем говорить – дряхлый дед. Остальные – женщины. У нас с тобой два револьвера. Штук пятьдесят патронов. Отобъёмся!

– Отобъёмся, ваше ба... Владимир Юрич! У меня есть ещё три гранаты! – похвастался Будкин.

– Ох ты и молодец! Теперь мы, если придут, им покажем!

Первым остался дежурить Головинский. Отключили электричество. На улице была тишина. Лишь иногда доносились ружейные выстрелы.

Владимир вспомнил, что совсем недавно в какой-то паршивой газетёнке он прочитал, что... в феврале этого года произошёл фантастический сдвиг в социальной и политической жизни России. Страна освободилась от прогнившего самодержавия и с невероятной скоростью мчится в светлое будущее...»

«Вот тебе и будущее! Он – офицер-гусар – сидит в парадной со своим денщиком, охраняя семейный очаг! От кого? От бывших солдат и матросов императорской российской армии, которые являются сейчас бойцами революционной российской армии. Те, кто восстал против государя и нарушил присягу, я желаю наказания Божьего: библейской казни! Господи, а тебя я прошу только об одном: дай мне душевных и физических сил выдержать все эти унижения и страдания! Выстоять достойно, как подобает офицеру! Боже, прошу тебя! – Головинский принялся молиться. Молился он до тех пор, пока на душе у него не стало спокойно. Тревога, беспокойство куда-то ушли. Появилась уверенность в себе и надежда...»

«Выстою! Я – Головинский!» – с убеждением подумал он.

Приехал доктор Пётр Петрович Покровский. Надолго удалился с Анастасией Михайловной в её спальную комнату. Когда вышел, его лицо было очень озабоченно.

– Пётр Петрович, ну как тётушка? – кинулся к нему Владимир.

– Пройдёмте в библиотеку! – прошептал доктор.

– Ни в коем случае не говорите ничего Анастасии Михайловне! – предупредил он Головинского, тяжело опускаясь на стул. – Я её убеждаю, что болезнь можно преодолеть, только надо иметь желание и силу воли. Я ей даю надежду... Но увы, её остаётся всё меньше и меньше. – Вздохнул Пётр Петрович и пригладил ладонью свои торчащие во все стороны рыжие волосы на голове.

– А какой диагноз вы ей поставили? – шёпотом осведомился Владимир.

– Я убедил вашу тётушку, что у неё сердечное недомогание от избытка работы и общего ухудшения нервной системы... Но у неё ведь грудная жаба! Вы ведь видите какая у неё одышка! Он сейчас и двух шагов ступить не может!

От безделья, совершенно неожиданно для всех, запил кучер Терентий. Владимир его не видел три дня, а когда надо было закладывать экипаж, чтобы вести тётушку к нотариусу, то Головинский нашёл того в его же комнатке пьяного в усмерть, лежащего в одежде на своей кровати. Стояла невыносимая вонь политуры. Кучер делал ханжу, очищая политуру солью.

Владимир потерял сон. Спал урывками по часу или того меньше.

«Что дальше? Что мне делать? – эта мысль терзала его днём и ночью. – Я же не могу вечно жить у тётушки, ничего не делая? Моя мечта сделать военную карьеру, мне кажется, уже никогда не осуществится! Тётушка уговаривает меня потерпеть, подождать. Ведь после смуты, как она утверждает, должен вернуться порядок в нашу страну. А Россия всегда нуждалась в верных и честных офицерах. Она, думаю, права, но сколько ждать? Месяц? Два? Год? Или десять лет?»

Из кошмарного то ли сна, то ли забытья его вывел громкий голос Анастасии Михайловны. Он с кем-то спорила по-телефону.

– Нет, я устала слушать ваши обещания! Я приеду завтра и вы должны без проволочек выдать мне всю сумму. – Тётушка уже кричала.

Владимир подскочил с кровати. Быстро оделся и, постучав в дверь, вошёл в её кабинет.

«Надо успокоить тётушку! Ей ни в коей мере нельзя волноваться! Ни при каких обстоятельствах! Ведь так сказал Пётр Петрович».

– Нет!!! Если нет, то я телефонирую Борису Абрамовичу! – Анастасия Михайловна повесила трубку.

– Тётушка, доброе утро! – поздоровался Владимир.

– Доброе утро, Володинька! – сухо ответила тётушка. – Прости, родной, я очень и очень занята.

– Простите! – недоумённо пожал плечами Владимир и вышел из кабинета. Впервые Анастасия Михайловна с ним так обращалась! Это было просто невероятно!

– Борис Абрамович, добрый день! Я прошу прощения, что вас беспокою, но...

Владимир плотно закрыл дверь за собой и направился в ванную комнату.

– Володинька, ты мне завтра очень нужен! – сказала за обедом Анастасия Михайловна. – В военном мундире и вооружённым до зубов!

– Как вооружённым?! – поперхнулся Головинский.

– До самых зубов, родной! Возьми пистолеты, револьверы... все, которые у тебя имеются. К десяти утра мы едем в Азово-Донской коммерческий банк за деньгами. Очень большая сумма!

Времена лихие! Великая смута, так что надо быть готовым ко всему. – Объяснила Анастасия Михайловна, не вдаваясь в подробности. – Распорядись, чтобы Терентий с утра заложил экипаж.

– Хорошо, тётушка! – не спрашивая, ответил её племянник.

На следующий день, когда часы показывали десять тридцать, они прибыли на Большую Морскую улицу пять.

Владимир помог тётушке выйти из экипажа, и они вошли в парадную дверь большого здания из светло-серого кирпича. Это был Азово-Донской коммерческий банк – один из самых крупных и престижных во всей России.

Внутри, к ним сразу же приблизился служащий в чёрном костюме, белой рубашке и чёрном галстуке. Склонив свою лысую голову, он подобострастно поздоровался.

– Анастасия Михайловна, господин управляющий вас ожидает в своём кабинете. Я вас провожу. Вас, господин офицер, прошу остаться. Вы можете присесть и отдохнуть. – едва слышно прошипел служащий.

В стояла тишина. Владимир принялся рассматривать помпезный зал из зелёного мрамора. Прошло полчаса. Он уже начал нервничать:

– Может тётушке сделалось плохо? Тогда необходимо срочно везти её к Пётру Петровичу! А может...

– Заждался меня, Володинька? – неожиданно раздался голос тётушки за его спиной.

Владимир подскочил.

– Прими саквояж! – распорядилась Анастасия Михайловна.

Служащий сунул Головинскому тяжеленный кожаный саквояж.

Когда они приехали домой, тётушка распорядилась, чтобы никто из домашней челяди её не беспокоил до обеда.

– Володинька, пойдём к нашему секретному сейфу! – почему-то прошептала он ему.

– Устала... В груди что-то так дрожит... Так дрожит! – пожаловалась она, усаживаясь в кресло.

– Может я телефонирую Петру Петровичу? – предложил Владимир.

– Потом! Потом! Сначала надо закончить то, что мы сегодня с тобой начали. Открывай саквояж!

Головинский растегнул блестящий замок и открыл саквояж. Он был забит толстыми пачками денег.

– Слушай, Володинька, открывай сейф и укладывай туда пачку фунтов стерлингов. Нашёл её?

– Сейчас, тётушка! – ответил Владимир, вываливая прямо на пол содержимое саквояжа. – Ага, нашёл! Я их вижу впервые, но здесь написано по-английски.

– Правильно! В сейф их! – решительно произнесла Анастасия Михайловна. – теперь ищи пачку французских франков.

– Нашёл, тётушка!

– В сейф их! И давай- ка туда десять, нет двадцать «колбасок»!

– Каких колбасок? – не понял Владимир.

– Как каких? Банковские упаковки золотых монет очень уж похожи на колбаски. Я поэтому их так и называю.

– Понял, тётушка! – ответил Владимир и принялся выбирать из пачек денег, сваленных в кучу упаковки золотых десятирублёвиков. – Одна «колбаска, вторая... двадцать!

– Прекрасно! В сейф их! А теперь оставшееся там пространство заложил пачками наших родных императорских рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.